

Советская эстетика, т. Мещеряков, 25 апреля 1962.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ

В РАЗВИТИИ русской и мировой театральной культуры XX века сыграло огромную роль творческое сотрудничество великих основателей МХАТа К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко.

Сотрудничество художников — поэты, писатели и актеры. Оно включает в себя всю полноту творческих взаимоотношений — от безраздельного слияния и безусловной поддержки друг друга до взаимной критики, споров, разногласий. Споры и конфликты между Станиславским и Немировичем-Данченко, по их собственному признанию, во многих случаях обогащали искусство театра, помогали им преодолеть свои недостатки, крайности творческих увлечений и находить верные пути в искусстве. Было бы ошибкой изображать их сотрудничество идеальным. Но еще большей ошибкой является произвольное выпячивание лишь одной негативной стороны их взаимоотношений.

Известно, что противоречия между Немировичем-Данченко и Станиславским, возникшие в атмосфере напряженной совместной творческой деятельности, не обходились никогда без взаимных обид, тяжелых недоразумений, проявлений узависелого самоволия. Но никогда это не умаляло для них самих, а тем более для их учеников и последователей великого исторического значения их нерушимого союза, определявшего на много лет вперед пути развития русского и мирового театра.

Разногласия между Станиславским и Немировичем-Данченко носили в основном творческий характер. Это был искренний и честный спор больших художников, сохраняя самостоятельность своих исканий, исходила из обидчиво-творческих позиций, в основном и главным образом стремилась в искусстве к одним и тем же целям. В творчестве они считали себя и действ-

ительно были неразделимыми.

Об этом они говорили сами; это подтверждено ими обилием в письмах последних десятилетий их жизни, в их мемуарах, в stenogramмах репетиций. Напомним хотя бы одно из таких высказываний: «А нашей с Вами связи пошел 41-й год», — писал Вл. И. Немирович-Данченко К. С. Станиславскому в марте 1938 года, отсылая на его письмо, полное глубокого дружеского чувства, и как бы подводя итоги их отношений. — И история, этаким театральным Нестор, не лишенный юмора, скажет: «вот поди ж ты! уж как эти люди — и сами они, и окружающие их — рвали эту связь, сколько старались над этим, а история все же считает ее неразрывною».

Расхождение во взглядах между Станиславским и Немировичем-Данченко в разные периоды истории МХАТа отразилось в собрании сочинений Станиславского в «Изыбранных письмах» Немировича-Данченко и в допозднейшей публикации его писем в «Ежегоднике МХАТа» за 1953—1958 годы (см., например, письма К. С. Станиславского к Вл. И. Немировичу-Данченко от сентября и 5.XI.1906 г., декабря 1911 г., марта 1913 г., 9.I.1915 г., 11.VIII.1916 г., 15.XI.1917 г., М. П. Лилиной от 13.VIII.1911 г. (том 7); заявления в правление МХТ (том 5); обращение к общему собранию товарищества МХТ, к Художественному театру (том 6); письма Немировича-Данченко — членам товарищества МХТ от июля 1902 г., к Станиславскому — 7.XI.1911 г., 21—22.XI.1910 г., от апреля 1916 г., от сентября 1917 г., к А. Б. Бенуэ — 1915 г.; к И. М. Москвину летом 1910 г.; к Б. Е. Захаве от 3.II.1932 г. и другим).

Эти письма, помещенные рядом с другими письмами Станис-

лавского и Немировича-Данченко друг к другу и к другим адресатам, в контексте реальной сложной творческой жизни театра раскрывают истинные причины их споров и разногласий. Перед нами два громадных создателя таланта, охваченных жаждой обновления искусства, жертвующих всем во имя своего идеала театра, непримиримых к ошибкам и заблуждениям друг друга и в то же время не исключавших себя в искусстве эстетов. Это — историческая правда.

Но находятся люди, которые вопреки этой исторической правде стремятся представить их отношения только как враждебные. Во втором номере журнала «Исторический архив» за этот год помещена публикация С. Подольского, прибавляющая к содеянному ранее опубликованным и убедительно прокомментированным во вступительных статьях и примечаниях писем Станиславского и Немировича-Данченко еще всемогущий, И как? С первых же страниц обращает на себя внимание ее неприкрытая тенденциозность. Для данной публикации выбраны только периоды наиболее острых, болезненных столкновений между Станиславским и Немировичем-Данченко. Сами по себе эти материалы представляют интерес, и жалко, что некоторые из них, например письма Немировича-Данченко 1905 года, не попали в прежние издания, где они, вероятно, нашли бы и надлежащее место, и верное, объективное освещение. Но изолированные от остальных писем тех же годов, характеризующих другие, положительные стороны взаимоотношений Станиславского и Немировича-Данченко, они представляют о великих преобразователях театра.

В первом же публикуемом письме автор произвольно опускает всю первую часть, в которой Немирович-Данченко в очень дружеской форме делится со Станиславским своим соображением по поводу работы над спектаклем «На дне», предлагая свою помощь в доведении режиссерского замысла Станиславского, и оставляет только разногласия и критику. Неизбежно «опущено» — стромно пишет Подольский внизу страницы, умаляющая при этом, что оно противоречит его «концепции».

В другом случае Подольский позволяет себе обойти письмо Не-

мировича-Данченко, в котором он сжимает свои обвинения по адресу Станиславского, высказанные в предыдущем письме: «Мне до слез больно, и заставлял Вас высказаться так много. Ничего бы этого не было, если бы речь шла не про Морозова... Мне все вчерашнее заседание было противно, потому что мы говорили не как искренно преданные делу, а все с какими-то ухищрениями и скрытыми мыслями. И нас любимо, высоко ценю и работа с Вами мне хорошо, но когда мне кажется, что Вы попадаете под влияние, противные моей душе, я становлюсь недоверчив, во мне обижается все, что дорого мне. Ну, что делать? В театре самоволия так остро!» (подчеркнуто все Немировичем-Данченко. Архив Н.-Д. № 1560).

ИЗДАНИЕ ПЕРЕПИСКИ Станиславского и Немировича-Данченко — дело сложное и ответственное. Здесь требуются прежде всего абсолютная научная добросовестность, объективность, такт, глубокие и точные исторические познания. Нельзя игнорировать и тот факт, что эта переписка сохранилась далеко не полностью. Очень важные, порою наиболее острые высказывания обоих руководителей театра остаются иногда без ответа, так как соответствующие письма до нас не дошли. Нельзя не учитывать, что и дошедшие до нас письма далеко не всегда раскрывают истинный смысл их отношений, особенно в тех случаях, когда письма явно написаны под влиянием минуты, продиктованы временным раздражением или повышенной нервностью, неизбежной в театральной работе. Нам хорошо известно, как часто личная встреча, очередная общая работа вносили решающие коррективы в самые острые «эпистолярные» взаимоотношения Станиславского и Немировича-Данченко. Пора понять, что их переписка это еще далеко не история МХАТа, хотя и имеет для нее важное значение.

Все это необходимо учитывать при научной публикации писем. Многие при этом должны пояснить читателю объективные, продуманные, ответственные комментарии и вступительные статьи публикатора. Кстати говоря, научно-исследовательская комиссия при МХАТе готовит специальный том переписки основателей театра, который позволит наиболее полно и

объективно раскрыть как их творческое единство, так и творческие разногласия.

К сожалению, этим требованиям вступительная статья и комментарии Подольского не отвечают. Принципиальные вопросы, затронутые в публикуемых письмах, не получили верного освещения. Действительная сущность принципиальных творческих разногласий остается нераскрытой. Иначе и не может быть, так как публикатор интересуется совсем не это, а только выдуманная им «борьба за власть» в театре и связанные с ней споры, взаимные обвинения и обиды.

Тем не менее Подольский, по-видимому, все же считает, что его публикация может способствовать «созданию правдивой научной истории театра, в частности истории Художественного театра» (стр. 3). Это заблуждение. На самом деле в результате усилий публикатора история МХАТа «покажется кривым зеркалом».

Подольский упрекает, угулгаризирует вопросы, давным-давно освещенные в специальной литературе. Достаточно сказать, что периоды истории Художественного театра ставятся им в зависимость не от социально-исторических условий, а от очередных споров между основателями театра (стр. 7). Немирович-Данченко как режиссер выносятся до примитивного иллюстрация драматической литературы. Режиссерское творчество Станиславского изображается существом, изолированным от литературы, то есть, стихийно-самостоятельным, и ведущая роль драматургии в театре при этом налицо отрицается вопреки малочисленным оговоркам автора.

С пристратностью характеризуется смысл исторической встречи Немировича-Данченко со Станиславским, в то время как сам Станиславский определенно предстает значение этой встречи в письме к А. Е. Грузинскому (1910 г.): «Вл. И. Немирович-Данченко (который имел на меня большое влияние) искал сотрудничества для начала театрального дела с молодящимся сыном. Оказалось, что он мечтал о том же, о чем мечтал и я... Подольский объективно освещает такие вопросы истории МХАТа, как значение «Студии на Поварской», отношение Немировича-Данченко к символизму. Превратно использованы и спорены к месту и безпристрастности режиссеров такие глубокие проблемы, как оценка «Драмы жизни К. Тамсун» в сопоставлении с «Врандом» Г. Ибсена на сцене МХАТа в 1906 году или причины временных отходоу Станиславского от

Художественного театра и его утление «студийности».

Вопрос об отношении Немировича-Данченко к «системе» Станиславского — один из сложнейших вопросов истории и теории современного театра. Подольский решает его походя, делая акцент на резкости взаимных оценок двух режиссеров в момент совместной постановки «Живого трупа» в 1911 году. Важнейшую же их переписку — то же письмо по существу «системе» (см. собр. соч. Станиславского, т. VII и «Ежегодник МХАТа» за 1953—1958 годы) он попросту игнорирует. Таких примеров можно привести множество.

При опубликовании писем допущена небрежность. Мы попытались проверить опубликованные им письма. Оказалось, что многие слова расшифрованы ошибочно (например, вместо «образцов» следует читать «образа», вместо «словом» — «Симов», вместо «убедительно» — «удивительно» и так далее). Такими ошибками публикация буквально кишит. О пунктуации же и говорить не приходится — такой здесь допуск произвол. Механически пропущены отдельные слова и даже целые строки, например в письме Немировича-Данченко от 8—10 июня 1905 года. Общеизвестно, что историческая встреча Станиславского с Немировичем-Данченко в «Славянском базаре» состоялась 22 июня 1897 года, а не 21 июня 1898 года, как это утверждается в ее вступительной статье. Удивительно, что журнал «Исторический архив» публикует эпистолярные материалы без тщательной проверки.

Председатель художественной коллегии МХАТ — Директор МХАТ народный артист СССР М. КЕДРОВ А. СОЛОДОВНИКОВ,

Члены художественной коллегии МХАТ: народные артисты СССР А. ТАРАСОВА, М. ПРУДИН, Б. ЛИВАНОВ, заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор П. МАРКОВ, заслуженный артист РСФСР В. ДАВЫДОВ, артисты Л. ГУБАНОВ, В. БОГОМОЛОВ, И. ТАРХАНОВ.

Народные артисты СССР К. ЕЛАНСКАЯ, В. СТАНИЦЫН, В. ОРЛОВ, А. СТЕПАНОВА, А. ГРИВОВ, О. АНДРОВСКАЯ, В. ТОПОРКОВ, В. ЕРШОВ, А. ЗУЕВА, М. ЯШИН, Н. АКИМОВ, Ю. ТОЛУБЕВ, Н. ЧЕРКАСОВ, руководитель научно-исследовательской комиссии по изучению и изданию наследия К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко В. РАДОМЫСЛЕНСКИЙ, ректор школы-студии при МХАТ В. РАДОМЫСЛЕНСКИЙ.

Целиком сосредоточившись на сенсационных «драматических перипетиях», которые «ярко раскрываются в публикуемых письмах» (стр. 5), Подольский, делая неожиданный поворот в конце вступительной статьи, по существу, утверждает, что взаимоотношения Станиславского и Немировича-Данченко приобрели, наконец, «силу творческого соревнования» лишь после Октябрьской революции, когда они оба «были извлечены от необходимости бороться «за власть» в театре и искать формы «существования» (стр. 14).

МЫ ВОЗМУЩЕНЫ включением в комментарии инициальных дневников Станиславского и писем Немировича-Данченко к жене, что является недостойным приемом, использованным в целях нарочитой дискредитации одного из основателей МХАТа. Кстати сказать, Подольский принимает не только Немировича-Данченко, но и Станиславского. В одном из опубликованных «Историческим архивом» писем Немировича-Данченко говорит Станиславскому, как будто имея в виду будущих публикаторов типа Подольского: «...Давно известно, что нем больше мы с Вами расходимся, тем это удобнее для «словов рыбы в мутной воде...» (стр. 49).